

ПЕРМСКИЕ МАНИФЕСТЫ

Озвучены и записаны на летнем общественном фестивале «Мосты» («После Пилорамы»)

18 июня 2016 года, г. Пермь

**Всеволод Бедерсон, старший преподаватель кафедры политических наук ПГНИУ,
соорганизатор Научных боев им. Шелдона Купера**

«Норы, щели, берлоги и дыры: внутренняя иммиграция приличного человека в плохие времена»

«Путинская диктатура типична. Не стоит доверять тем, кто (что со стороны сторонников режима, что со стороны его противников) говорит о том, что современный российский авторитаризм, как всегда, уникален и идет по своему исконно уникальному пути. Это не так. Путинских режимов мы можем найти десятки в недавней истории, да и в современности их немало, с частью мы даже граничим. Я решительно не согласен с недавно обсуждавшейся в пермском фейсбуке метафорой путинской диктатуры — раковой опухоли. Мне кажется, это не просто в корне неверная метафора, но и даже вредная, в смысле, наоборот, полезная, но полезная для самого режима. Рак — это ведь не так, чтобы прямо болезнь, которую ты где-то шел и подхватил, рак — это дисфункция информационной работы клеток и низкого качества иммунной системы. Химическая терапия рака — это всегда борьба не только с раком, но и со всем другим организмом. То есть, чтобы победить путинский режим, надо «захимичить» всю страну. Нет. Это не так. Диктатура, любая диктатура, может быть «срезана» парой движений скальпеля, ну а теперь вообще безболезненно опасное родимое пятно можно убрать лазером. На лазер и уповаю.

Я действительно последние 1,5-2 года нахожусь в смятении и в поиске внутреннего ответа: что делать и как жить приличному человеку (то есть все понимающему и не могущему преодолеть отвращение и начать получать удовольствие от режима, хотя это тоже возможная стратегия) во времена диктатуры? Органически по-интеллигентски за ответом обратился к книгам. Из прочитанного, так сказать, по теме, более всего мне показалось адекватным и применимым следующее, ввиду ограниченности времени скажу самую малость.

Алексей Юрчак в своей ставшей уже культовой книге «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение» рассказывает про то, что делали молодые люди времен Застоя и ранней Перестройки, которые не хотели или не могли кооптироваться в институты режима или которые туда были встроены (комсомольцы), но во второй своей, тайной жизни вели себя иначе. Все, что они делали, сводимо к слову «эскапизм» или «ушельчество». Они шли работать дворниками или, еще лучше, сторожами в котельные, где режим их никак не трогал и даже не интересовался, а они читали полу- и полностью запрещенную философию, литературу, слушали запрещенный рок. Мне кажется, это отличный вариант того, что можно делать приличному человеку при диктатуре. Такое ушельчество — осознанный выбор. Вот именно такой пример я бы и назвал щелью. То есть это такой вариант бегства от режима, где приличный человек занимает естественную крошечную нишу. Другие варианты ушельчества по стратегии щели — это академический эскапизм: оставаться приличным доцентом на кафедре. Электоральному авторитаризму, коим является путинский режим (в отличие от более сложного и стойкого советского режима) некогда, да и ресурсов таких нет, чтобы отслеживать, что говорят либеральные преподаватели на занятиях студентам, поэтому студенческая аудитория — это вариант альтернативного 1,5 часового мира для приличного человека при диктатуре.

Следующий тип ушельческого мира или ниши — это нора. Нора, в отличие от щели, не естественно образована, нору надо рыть, работать ручками, понимать в отдельных случаях, что может быть опасно. Но зато норный эскапистский мир более глубок, разнообразен, сложен и интересен. Фестиваль «Мосты», Научные бои, различные киноклубы и прочие авторские

клубы — это норы. Можно сказать, что норы — квазирелигиозные образования, но только и исключительно по своей форме, впрочем, таковы все закрытые или полужакрытые сообщества.

Берлоги — это что-то внушительное, от чего нельзя просто так избавиться, потому что берлога — значительная часть окружающего ландшафта и значительный элемент экологической ниши. В берлоге плохие времена переживает кто-то большой и такой же важный для экологической ниши, как и сама берлога. Мне кажется, идеальный пример берложьей стратегии — это Центр ГРАНИ.

И, наконец, дыры. Они бывают разные, я же имею в виду те дыры, про которые вы вряд ли подумали — черные дыры. Дырная ушельческая стратегия — самая крутая, но самая невозможная. Никто не знает точно, что там, в черной дыре. Если это и правда шлюз в другую часть Вселенной, то можно манифестировать: мы нашли путь выхода из диктатуры, физически оставаясь в ней. Дырой я хочу проиллюстрировать такую стратегию ухода, при которой мы создаем полностью, подчеркиваю, полностью альтернативный и полностью полноценный мир. Подпольную Пермь, подпольную Россию. Там должно быть всё, должен быть полный набор институтов, которые мы посчитаем нужными в своем альтернативном мире. Если нам будут нужны наши подпольные ушельческие выборы или какая-то система информации, то мы должны будем это сделать. Реальных примеров дыр, увы, в реальной жизни пока нет. Это самая сложная, но самая достойная стратегия ухода от диктатуры.

Кончая, стоит сказать, что не помогать диктатуре очень сложно, часто кажется, что она всюду, и даже получая зарплату и платя с нее налоги, мы помогаем диктатору своими деньгами. Пользуясь газом — помогаем диктаторскому «Газпрому». Заправляемся на «Лукойле» — помогаем диктаторскому «Лукойлу» и т.д. Но не помогать диктатуре надо в мелочах и последовательно, если есть хоть какая-то возможность или вдруг выбор сделать что-то, что укрепит диктатуру или не делать этого, то мой призыв очевиден. Точно также по мелочам диктатуре надо вредить — говорить с людьми про диктатуру, забирать из ящиков соседей единороссовские газеты, выключать НТВ, когда дед его смотрит, говорить товарищам, что нельзя независимым кандидатам избираться в диктаторский парламент, потому что это делает режим сильнее, называть диктатуру диктатурой и не пытаться находить другие названия. И так далее.

И последнее. Всё это — субкультуры, в диктатуре «Большой Стиль» невозможен просто потому, что сам он уже стал субкультурой. Это главная моральная боль — упрощение, утончение и скукоживание разнообразия и сложности, прости господи, бытия.

Если мои рецепты ушельчества не подходят вам, то всегда мы, русские интеллигенты, можем просто читать книжки. Тем мы и сильны, тем мы и переживем плохие времена».

Владимир Гурфинкель, главный режиссёр пермского «Театра-Театра»

«Искусство лучше жизни»

«Я несколько секунд оправдаюсь, потому что столь высокое собрание требует, наверное, другого подхода. Такое количество разумных лиц очень радует.

Я постоянно думаю о смерти. Не потому что она есть. Хотя она есть и никуда не деться. Потому что она является таким фактором, который, вероятно, на уровне подсознания, сознания, социальной зависимости, на уровне поведения влияет на

человека. Если зайти в театре на балкон, то всегда можно определить, присмотревшись, увидеть, как люди входят в зрительный зал. Особенно интересны те люди, которые пришли впервые и как-то очень отстранены от театра. Они приходят, держа вокруг себя большое расстояние. Это расстояние есть некая такая буферная зона, позволяющая им прятаться и закрываться. Они входят в зрительный зал, тушится свет. Они как-то проще относятся к собственному «я». И через некоторое время, по законам театра, на десятой, восьмой минуте, возникает первая коллективная реакция. Один человек засмеялся, второй, третий, и ещё несколько прыснуло. Потому что каждому кажется, что он один так реагирует, а потом он слышит реакции других — и ему всё равно становится легче. Он на секундочку теряет страх, думая, что он не один так реагирует. Дальнейшая реакция является подтверждением. Потом от каких-то мелочей, от не юмора хохочет весь зал. От не очень трагических вещей он становится единым и рыдает. Он — зал. В нём есть один человек. Он борется со своим страхом смерти. Потому что после каких-нибудь уникальных по воздействию на личность спектаклей мы видим, что самым большим счастьем является для нас, для меня, то, что люди идут, не отлипая друг от друга. Есть возможность увеличить расстояние. Но они идут практически впритирочку. Они позволяют другому человеку нарушать личную зону. Они близко подходят к гардеробу. Они не спешат одеваться. Можно одеться и отойти в сторону, но они стоят в этой куче.

Это качество борьбы со смертью невероятное — которое производит то искусство, которое воздействует не на одну личность, а которое личность превращает в какое-то количество личностей, которое убивает страх проявлений. Мне кажется, что когда эти чувства завоевывают большие массы, воздействуют точнее, чем целевое просвещение человека. Просвещение чувствами значительно сильнее, чем оглушение словами. И вся история наших откатов опять в безумие, опять в безумное стремление к твёрдым рукам, крепким режимам... я для себя от этого вижу одно лекарство. Может быть, потому что я патологический человек и ничего другого не вижу, и, конечно же, их много, но воспитание чувств у большого количества людей. Когда театр напоминает людям, человеку, что он — человек, и даёт ему возможность проявлять себя без страха, даже в темноте зрительного зала, это огромная воспитательная функция.

Мне кажется, что в любой стране, в конце концов, усилиями самой просвещённой части приходят революционные изменения. И личность как таковая опять становится ценностью. И дальше не происходит у нас, у вас, в нашей прекрасной несчастной стране, не происходит вот этого этапа воспитания чувств.

Для меня абсолютно удивительно было когда-то, что я узнал, что французы не говорят «хорошо» или «плохо». Они детям говорят: «Красиво. Ты сделал красиво». И я глубоко убеждён, что если вот это количество гармонического во внешнем мире, в чувствах, которые рождаются в театре, то количество прекрасного, которое может вырываться на улицы, которое способно на уровне чувств воздействовать, оно на уровне подсознания, не знания (!), а подсознания вытаскивает из человека физиологическую потребность в гармонии. Потому что правильные слова — это всё равно музыка. А правильные ритмы — это всё равно музыка, а правильные ритмы навсегда — это уже архитектура. А правильные... вот мне кажется, что всё-таки наступит (не эра милосердия, она никогда не наступит)... я глубоко убеждён, что следующая эра просвещения будет не просвещать разум, потому что со знанием можно бороться ложным знанием. Следующая эра будет большим, гигантским временем воспитания чувств. И люди с воспитанными чувствами переживут большой всплеск, опять поймут, что нет ценности выше, чем человек, и уже не смогут отступить в сторону.

Всё».

Илья Миков, IT-предприниматель, основатель компании «Интернет Актив», участник сопротивления компании «Транснефть» в деревне Адищево

«Внутренняя свобода. Стать как вода»

«Я хотел бы начать с того, что каждый из нас приходит в этот мир без инструкции по его применению. Её нам не выдают наши родители, и не потому, что они такие злые, а потому что, очевидно, у них самих её нет. И каждый из нас вынужден по ходу дела сам собирать её из книг, людей, чего угодно. Я хотел с вами поделиться важными, на мой взгляд, частями той инструкции, которую собрал для себя я.

Первая идея, очень важная, на мой взгляд: нет никакого общего мира для всех, нет никакого объективного мира, каждый из нас существует в пузыре, в собственном мире. Вдумайтесь: если каждого из нас попросить описать эту комнату, мы получим сорок разных описаний. Мы получим сорок разных описаний меня. И даже события у нас разные, такое простое событие (*щелчок пальцами — ред.*) произошло сейчас для всех, кроме того парня, который сидит там сзади в мобильном телефоне. Наш глаз видит точно и чётко всего лишь изображение размером с отпечаток большого пальца на расстоянии вытянутой руки. Мы видим по-разному, и мы живем в разных вселенных. И то, что мы говорим, то, что мы чувствуем, для каждого — другое. Когда я говорю «зелёный», я могу понимать «салатовый», вы можете понимать «болотный». Слова означают разные вещи, концепции обозначают разные вещи. Для меня было открытием, что когда моя мама говорит: «Я беспокоюсь о тебе», а она говорит это постоянно, на самом деле она говорит: «Я люблю тебя». Мы с другом были в Москве, поднимались по эскалатору, и женщина стояла у этого эскалатора и говорила «Становитесь налево, становитесь налево» огромной толпе. Понятно, что это абсолютно бессмысленное действие, но женщина, как мне кажется, говорила: «Я одинока. Поговорите со мной, пообщайтесь со мной».

Я это к чему? Мир очень разнообразен, но специально разнообразен. В мире есть холодные области, есть горячие области, есть песок, есть трава, есть различные режимы, есть сегодня тема путинского режима, есть демократии, есть места, где людям режут головы и это законно. И человек — вы, я — волен выбирать любое место, которое нам больше нравится. Это разнообразие — не ошибка мира, не временный сбой, а его ключевая особенность. Как вы знаете, если вы соберете сто человек одинаковых — мужчин, и поместите в одно место, часть мужчин будут мужчинами, часть станет женщинами. То же самое, если вы поместите женщин в женскую тюрьму, часть из них станут мужчинами. Мир разнообразен, это нормально. У Булгакова мы читаем — устами Воланда он говорит Левию Матвею: «Ты произнес свои слова так, как будто ты не признаёшь теней, а также и зла. Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твоё добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с неё исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и всё живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты глуп». И действительно идея насадить везде демократию в европейском стиле, или насадить повсюду, наоборот, какой-нибудь пакистанский халифат — не представляется разумной.

Следующая очень важная идея, которая посетила меня некоторое время назад, точнее, я её прочитал: то, что на самом деле нет хорошего и плохого. Категории хорошего и плохого — это такие детские ходунки, которые мы получаем с первых

месяцев, дней нашей жизни. Как мы их получаем? Нашей маме лень убирать за нами какашки, поэтому она говорит: «Слушай, то, что ты сделал свои дела прямо здесь — это плохо, тебе нужно дойти до туалета, это будет хорошо. Размазывать еду вокруг рта — это плохо, засовывать ложку в рот — это хорошо». И так мы привыкаем к этим концепциям, но нужно понимать, что это — детские концепции, что во взрослой жизни они не работают. Нет хорошего и плохого. Я хотел бы проиллюстрировать это одной короткой притчей.

Притча такая. В некие времена в деревне жила семья. У семьи была лошадь, как вы знаете, раньше лошадь чем-то много более ценным, чем очень дорогой автомобиль сейчас. Эта лошадь однажды убежала в лес. Убежала просто и всё. Семье соседи сказали: «Ох, как вам не повезло». На следующий день лошадь вернулась, да не одна, а ещё с другой лошадью, которая была из леса, дикой. И сказали: «Ух, здорово, как вам повезло». Ещё на следующий день сын в этой семье сел на эту вторую лошадь, чтобы её объездить, чтобы её приручить, упал с неё и сломал ногу в двух местах. Все снова сказали: «Ну, вот это неудача постигла вас». А ещё на следующий день в эту деревню пришли рекруты и забрали всех молодых людей в армию, кроме этого, у которого сломана нога. Это можно продолжать.

Суть идеи проста. Нет хороших и плохих событий, нет хороших и плохих людей, режимов, если хотите. Если бы Микеланджело следовал хорошему совету не рисовать на стенах, мы бы, наверное, не получили Сикстинскую капеллу. И ключевая идея здесь в том, что мир не нуждается в исправлении. Не нужно думать, что мир плох, что страна, в которой вы живёте, плохая, что люди вокруг плохие, что режим плохой. Мир, согласно философии даосов, которой я придерживаюсь, идеален в любой момент существования. Всё, что в нём происходит, это не хорошо и не плохо, это идеально. Это единственный способ, каким он может быть. А мы просто живём рядом с такой картиной (*«Великая прекрасная Россия» Васи Ложкина — ред.*) и, говоря об этой аудитории, я понимаю, что надо было наоборот подобрать картину, картина Васи Ложкина. Вот так. Спасибо. Вот так мы привыкли думать, что мы сидим в таком окопе, первый оратор очень четко дал такую концепцию. В окопе с пулеметом, с двумя сумками гранат и вокруг нас враги. Эти концепции «хорошо или плохо», они нас приучают... возникает потребность в этом эскапизме. Она возникает из-за того, что мы так воспринимаем реальность. Нет хорошего и плохого. И мы сидим не в окопе, нам не нужно выходить из него во внутреннюю эмиграцию, алкоголь, переезд, куда угодно.

Очень важная идея, которую я прочитал, я бы хотел ее зачитать. Она очень хорошая. Это сказал один безумный индус, реально шизофреник, и она очень правильная. «Вы не можете изменить отражение, не изменив лица. Сначала поймите, что ваш мир — лишь отражение вас самих, и перестаньте искать недостатки в отражении. Обратитесь к себе, исправьте себя ментально и эмоционально. Физические изменения последуют автоматически. Вы так много говорите о реформах, экономических, социальных, политических. Оставьте реформы в покое и займитесь реформатором. Какой мир может создать человек, который глуп, жаден и бессердечен? Проясните свой ум, очистите свое сердце, осветите свою жизнь. Это — кратчайший путь к изменению всего мира». Я думаю, и политического режима тоже.

Непосредственным следствием того, что мы делим события на хорошие и плохие, является то, что внутри нас вырастает, а потом становится сильнее внутренний судья, который привыкает судить все, что происходит. Комфортно-некомфортно, жарко-холодно. И мы привыкаем судить события и других людей, оценивать их с позиции «хорошо или плохо». Но судья работает так, как любой судья в любой стране, даже внутренний судья, что он всё в основном оценивает негативно. И вот

мы идем по улице с этим лицом, которое было на предыдущем слайде, и каждого человека оцениваем: жирный, сучка, козёл, плохо водит, лицо неприятное, продавщица нахамила. И это очень плохо. Потому что судья, когда ему некого судить, начинает судить самого себя. И мы говорим себе: я жирный, чего я добился, у моего одноклассника уже мерседес, у меня низкая зарплата. Мы в буквальном смысле сжираем себя. Есть тоже такая притча-анекдот. Едет мужчина в автобусе и думает: так, за окном слякоть, опять осень, грязюка везде, работа плохая, жена — стерва, начальник — бездарь. А за спиной стоит его ангел, все внимательно записывает и думает: «Какие странные у него желания».

У меня для вас хорошая новость: если вы отпустите своего внутреннего судью, то вы увидите, как мир станет сразу намного лучше. И на самом деле ни за кем из нас, ни за мной, ни за вами, нет никакой вины. Мы с вами прощены, и более того, мы были прощены с самого начала. Перестаньте судить себя, перестаньте судить окружающий мир.

Когда мне было лет пять или шесть, я помню, как я играл, сидя в трамвае, и в полушутку, полувсерьез управлял этим трамваем. То есть я сидел на переднем сиденье и рулил, тормозил, разгонялся, и всем вокруг было очень весело. Точно также нам кажется, что мы управляем нашими жизнями, а на самом деле — нет. Мы все едем в трамвае, и все, что мы делаем, — это смотрим в окно. И все мы — эти сумасшедшие регулировщики. Кто такие сумасшедшие регулировщики? Это такой вид городских сумасшедших. Люди, которые выходят на перекресток, и когда машины едут, управляемые светофором, они становятся и начинают ими как бы управлять: туда езжай, сюда езжай. Большая часть управляет машинами так, как они и без того всё равно уже едут. Меньшая часть, такие протестные регулировщики, становятся поперек и стараются этому всему воспрепятствовать. Мы все — сумасшедшие регулировщики. Мир идет так, как он идет. Мы можем либо наслаждаться этим миром, строить внутреннюю гармонию, либо пытаться быть революционерами, борцами, кем угодно. Это тоже наш выбор, и он тоже ни хорош и ни плох.

И, наконец, говоря о воде. Вода у даосов — метафора лучшего состояния человека, потому что вода все время стремится стать ниже всех, а не поднимается вверх. Потому что вода принимает форму, она не противится миру. Вы нальете ее в стакан — она будет в форме стакана, вы нальете ее в бутылку — она будет в форме бутылки. Вода приносит всем пользу. Это очень простая и конкретная вещь. Она не борется с препятствиями, она их обходит. И что самое главное, что я советую делать всем (вода занимает то место, которое больше никому не нужно, то есть своё) — как мне кажется, важнее всего найти это место и занять его. И, наконец, я бы хотел за оставшиеся десять секунд прочитать рецепт Виктора Пелевина о том, как переместиться в ту реальность, которая вам нравится. Как происходит, согласно Виктору Пелевину, перемещение между мирами? «А происходит это тогда, когда мы меняем свои привычки и склонности, или вернее — когда мы сознательно стараемся их изменить. Еле заметное, трудно определяемое, непонятно даже, в какой момент происходящее усилие — и есть тот космический двигатель, который переносит нас из одной вселенной в другую. Дело в том, что на самом деле мы ничего не можем изменить. Старые привычки и состоящая из них личность никуда не исчезают. Поэтому, когда мы осознанно меняем что-то в своей жизни, мы преобразуем не себя и свою личность, как предполагали классики марксизма, а переходим на совсем другой поезд судьбы, который катит по совсем другой вселенной и везет совсем другого пассажира. Если знать, как прыгать с поезда на поезд, осуществимы радикальнейшие изменения реальности. Механизм нашего движения по вселенной — это просто наши ежесекундные выборы между хорошим и плохим, сочувствием и ненавистью, велосипедом и фейсбуком, желтым и зеленым, голубым и оранжевым. Делаем ли мы эти выборы сами или какая-то сила совершает их за нас, но именно благодаря им мы перемещаемся на другие рельсы. И вот вам совет: если вы видите вокруг

себя мир, который вам не нравится, вспомните, что вы сделали, чтобы в него попасть. Может быть, вы даже не военный преступник, а просто слишком часто смотрите телевизор. Тогда из всех привычек достаточно изменить только эту».

Спасибо».

Светлана Маковецкая,
директор Центра гражданского анализа и независимых исследований ГРАНИ

«Большой стиль в обществе чужих взглядов»

«У каждого своя шкала отличия стОящего от нестОящего. И своя мера чувствительности к нестоящему.

Когда год назад на площади у ДК им. Солдатова по заказу краевых властей мирный митинг глушился грохотом грязной речи из нескольких рычащих колонок, поставленных друга на друга напротив митинга, то водораздел между людьми в оценке ситуации проходил не только по поводу содержания митинговых требований, но и по поводу, приемлемо ли так поступать в Перми, кто бы так не поступал.

Стиль — это про «как», которое является сверхзначимым. Большой стиль — это про связанность и гармонию разнообразных «как» в единое целое. Мы знаем про Большие художественные стили: готику, классицизм, барокко. Устойчивая всеобщность принципов и способов самовыражения в каждом из них являются некоторой иллюстрацией для моего понимания Большого стиля вообще.

Иметь стиль — это быть определенным, иметь выраженность. Иметь Большой стиль — не только иметь в голове большую идею, но и выразенно вести жизнь, коммуникации, деятельность соответствующим этой идее образом: гармоничным, последовательным и уместным. Большой стиль по Шпенглеру — это метафизическое чувство формы, оно не зависит от личностей, предметов или видов деятельности. Стиль, когда он Большой, сам как метафизическая стихия творит и личности, и направления, и эпохи — в искусстве, в жизни. Он может стать каноном, формой отливки. Именно в этом смысле мы говорим про большой Пермский гражданский стиль: его сложная гармоничность, внутреннее соответствие гражданским ценностям и высокая самобытность — пример успеха как раз через «неодолимый стиль».

Большой стиль создает и оформляет не менее важные вещи, чем идеи. Стиль не исчезает бесследно. Когда мы надеемся на продолжение наших мыслей, работы, воплощение в т.ч. и нами задуманного, то есть продолжение нас — на что мы надеемся? Не факт, что эхом в истории откликнутся конкретные слова и объяснения. Возможно, мы можем передать высокий стиль, образ жизни, качество дискуссий, правила деятельности и т.д.

Я уверена, что стилем можно переключаться во мраке. Он позволяет иной тип соратничества. Он — в основе и прочных партнёрств, и локальных оптимумов совпадения интересов. Кликуши тянутся к кликушам, разумные — к разумным, подобное — к подобному. К Большому стилю как к гиперстилю стремятся все.

Тянуться к Большому стилю важно для борьбы с собственным расчеловечиванием. Почти по Мамардашвили: ко всему реальному, собственному надо прорываться личным усилием. «Держать себя» в жизни, а не в «мертвом» — усилием мысли, действия — усилием постоянно возобновляющимся и никогда ничем не гарантированным.

Это особый род заботы о себе, вменённый европейцу — самовоздвигание, культивирование себя. Создание самого себя в обретении формы.

Теперь о нынешнем «обществе чужих взглядов». На мой вкус, это общество на самой нижней границе современности. В нем всё вращается вокруг потрепанных, да ещё и несамостоятельных идей и взглядов. В нем поводом для высказывания и деятельности являются чужие взгляды и «красные кнопки» реакции на чужие действия. Заплатами на дыре отсутствующих собственных взглядов выступают: подчеркнуто культивируемый агрессивный пиар; результаты продвинутого потребления и переработки информации в сетях; эпатажные, «без комплексов», формы публичного поведения в пространстве исключительно реплик, но не самоценных посланий. Это жизнь в режиме интеллектуального иждивения и тактической критики или принятия идеологием, которыми власть гипнотизирует общество, с одной стороны, и, с другой стороны, социально-гуманитарный и идейный трансвестизм, при котором бесформенность или способность к перетеканию в разные формы трактуется как персональная безграничность. «Человек без свойств» и зыбкость опор как тонизирующий фон. Короткая память и столь же короткая мысль.

В таком обществе, по моему мнению, ответственная самостоятельная автономность, наращивание и демонстрация социальных и экономических преимуществ того, КАК ты делаешь — чрезвычайно важны. Именно отчетливость, непошлость и при этом продуктивность, если хотите — успешность, будет твоим резонансом, чтобы перетянуть вялотекущую, болтающую о чем попало жизнь на свою сторону.

Большой стиль для меня — это своего рода валюта, то есть ценность, которая имеет обращение вне зависимости от того, на чьей смысловой и идейной территории я в данный момент нахожусь. В мире, где все относительно, где все сдвинулось с мест и пребывает в постоянном движении, это точка опоры, система универсальных этических и эстетических координат, в которых можно определить степень своей пригодности для достойного нестыдного существования. Большой стиль как бы «якорит» постмодернистскую реальность. Спорить можно о чем угодно, но вести себя по-человечески — это абсолютно. Вам может не нравиться, что я говорю, но Вы отдадите должное тому, как я это делаю.

Я с собой и с такими, как я, договорилась, что это общеобязательно. Точка.

Какой образ действий лично я отношу к Большому стилю?

Когда мы пристально и спокойно вглядываемся в происходящее, не мельтеша по поводу собственных страхов, чтобы понять, какова предельная форма возможного. Позиция жертвы и предъявление репрессий как сертификата своей значимости — это не для меня.

Когда ответственно сохраняем и используем себя как ресурс обновления: я не пушечное мясо ни для властных катерпилеров, ни для безответственного перформанса «Пусси Райот». Я не дам взять себя в заложники ни врагам, ни соратникам. Никакой круговой поруки — к своим применяются те же требования, как и к чужим.

Ограничение на подлые практики. Если человеческое достоинство для вас ценность (а права человека ровно про то), то нельзя допустить, создать специально ситуацию, чтобы рядом «корчилось от боли» человеческое достоинство. Даже врага. А уж тем более случайно подвернувшегося под руку. Не надо, если вы можете этого избежать, специально ставить делающего в целом хорошее дело человека в ситуацию, когда он заведомо проявит слабость.

При этом вполне практически полезно, но в разумных дозах, использовать презрение. В смысле «Я тебя не уважаю». Я не рассчитываю, что если «сказать в лицо» негодяю, что он негодяй, то этот негодяй устыдится. Нет, ему не стыдно. Я рассчитываю, что с хорошо дозированным презрением и предельно публично покажу, как я его не уважаю и как не боюсь. И как именно я имею право устанавливать норму. Без ненависти.

Кондукторше, сладко издевающейся над чуть подвыпившим и не сразу нашедшим нужную купюру пассажиром — разом и спокойно: «Вы унизили человека. И получали от этого удовольствие. Это недопустимо». И все. А в ответ на «а чего это Вы мне замечания делаете» — «Я имею право».

Футбольному фанату, «бьющемуся в припадке массового вставания с колен», — «Вы обливаете пивом государственный флаг. Он для другого».

Большой стиль — это думать СВОИ мысли и строить свою повестку дня. Заставлять себя вступать в дискуссии вне реакции на деятельность государства или кого-то еще. Ограничивать опору на некритикуемые и неподвергаемые сомнению ценности, на апелляцию к каким бы то ни было международным или иностранным и отечественным государственным.

К Большому стилю я отношу удержание пространства успешности и любопытства. Прагматизм как брезгливость по поводу всепоглощающего обездвиживающего чувства вины. Всегда можно сказать себе: «Может, что-то поделаем?».

В Большой стиль входит самостоятельность как прививка от лишнего энтузиазма.

И самостоятельность как уверенность, что и другие вполне могут быть самостоятельными. Вы перестаете нести тяжкую ношу Генерального Ответственного Земного Шара. Ведь вы — не единственный Взрослый. Вы ведете себя самостоятельно, но твердо знаете, что и окружающие люди в состоянии управлять своими побуждениями и решать свои проблемы. А если нет, то вы сами выбираете, готовы ли вы получать удовольствие от ответственности за окружающих. По крайней мере, страдать вы не будете.

В отношениях с административными властями — как с инструментом решения проблем в общественных интересах — взаимоотношения без симпатий и ненависти. Большой стиль — это искусство сотрудничать, но не дружить; противостоять, но не вступать в свару; быть партнером, но сохранять дистанцию и свободу.

Тренировать и практиковать Большой стиль очень полезно.

Тогда в нужный момент решение по поводу любого жлобства принимается «само собой» просто потому, что не приходит в голову вести себя иначе.

Правда, и ответить за это придется. Держать спину — не попса. Стоит дорого. Платим временем, покоем, удобством, иногда приятельством. А кто сказал, что будет легко?

Главное — втянуться. Хорошо натренированное чувство стиля превращает нас в собранных людей, умеющих делать как надо. Люди с Большим гражданским стилем — это не значит хорошие. Это всего лишь значит не дающие размножаться расхристанности и негодяйству.

Самое время заняться этим. В нашем городе. В нашей стране

Быть светлым — это выбор, а не обстоятельства. Не надо совершать подвиги — надо не делать подлости».

Иван Козлов, публицист, колумнист

«Шизо-урбанистика: как вести себя в городе, чтобы не свихнуться как можно дольше»

«Не удержусь, скажу «спасибо» предпредыдущему оратору. Дело в том, что по улице 25 Октября уже где-то с полгода ходит человек, который одет как Великий Кукурузо и пытается регулировать движение бутылкой из-под блейзера. Я не знал, что это — тенденция, и это безумно интересно.

Что касается меня, попытаюсь изложить одну из точек зрения на то, как жить в современном городе и не поехать головой. Я буду читать с бумажки, потому что я упростил себе труд большим количеством цитат. И с одной из них я хочу начать.

«Нам скучно в городе, город не является больше Дворцом Солнца. Дадаисты утверждают, что между ног каждой женщины — разводной ключ, сюрреалисты говорят, что там хрустальная чаша. Это прошло, затерялось во времени. Мы знаем, как трактовать каждое обещание, написанное на лицах. Поэзия рекламных щитов вот уже двадцать лет как вошла в нашу жизнь. Нам наскучило в городе, приходится прикладывать большие усилия, с тем чтобы все еще видеть тайны, начертанные на придорожных рекламных щитах, новейшие манифестации юмора и поэзии. Вы — потерянный, ваши воспоминания будоражит испуг, недоумение от несоответствия двух полушарий; заблудившийся среди Погребков Красных Вин, без музыки и географии, в вас больше нет желания укрыться вне города, в загородном доме, где думаешь о детях, а вино пьешь, почитывая рассказы из старых альманахов. Из города больше не вырваться. Вы больше никогда не увидите загородный дом. Его просто не существует. Его надо построить».

Это «Формуляр нового урбанизма», написанный почти 60 лет назад. Его автора, Ивана Щеглова, мало кто знает в России, а между тем, это крайне примечательная личность — потомок русских эмигрантов, который был одержим идеями радикального переустройства города, попытался взорвать Эйфелеву башню и по настоянию жены был отправлен в психушку на лечение электрическим током.

Когда жить в городе невозможно, а уходить во внутренний покой и изоляцию стыдно и неприемлемо, нужно переделывать его под себя. Конечно же, речь идёт не о физическом переустройстве — чаще всего у нас не хватает для этого средств и полномочий, за исключением редчайших случаев. Речь о чисто психическом процессе, о смене собственного угла зрения на городское пространство.

Лучше всего методики, которые для этого подходят, всё те же шестьдесят лет назад и всё в той же Франции описал Ги Дебор в серии текстов, начинавшихся статьёй «Введение в критику городской географии». Живя в Париже, он называл Париж «городом, построенным идиотом, полным шума и ярости, не значащим ничего». Чтобы вернуть городу осмысленность, он предлагал ряд практик — начиная от невинных, под которыми подразумевались спонтанные и алогичные перемещения по городу с попутной фиксацией всех ощущений, событий и интересных попавшихся на глаза артефактов, и заканчивая практиками довольно радикальными. Забавно, но такое явление как паркур, казалось бы, максимально далёкое от всякой философии, тоже придумали французские ситуационисты во времена студенческой революции — конечно, тогда это имело отношение не к спорту или экстриму, а к партизанскому пересечению и следовательно переосмыслению городских пространств.

Вообще, для постижения города очень важно освоить практики нетипичного перемещения по нему и взаимодействия с ним. В этом смысле нам нужно принять и возлюбить ругеров, диггеров, паркурщиков, скейтеров, сталкеров, всех, кто совершает так называемые преступления без потерпевшего и даже велосипедистов, что в нынешних условиях особенно сложно, но надо себя перебороть.

Вообще, как ни странно, двадцатый век сохранил не так уж много значимых документов, посвящённых поэтическому переоборудованию городского пространства. Одним из первых и самых значительных был трактат «Мы и дома», в котором Велимир Хлебников писал: «Что украшает город? На пороге его красоты стоят трубы заводов. Три дымящиеся трубы Замоскворечья напоминают подсвечник и три свечи, невидимых при дневном свете. А лес труб на северном безжизненном болоте заставляет присутствовать при переходе природы от одного порядка к другому; это нежный, слабый мох леса второго порядка; сам город делается первым опытом растения высшего порядка, ещё ученическим. Эти болота — поляна шелкового мха труб. Трубы — это прелесть золотистых волос. Только немногие заметили, что вверить улицы союзу алчности и глупости домовладельцев и дать им право строить дома — значит без вины вести жизнь одиночного заключения; мрачный быт внутри доходных домов очень мало отличается от быта одиночного заключения; это жизнь гребца на дне лодки, под палубой; он ежемесячно взмахивает веслом, и чудовище алчности темной и чужой воли идет к сомнительным целям».

К концу века город в его современном изводе, кажется, надоел всем окончательно, и фантазии по поводу его переустройства начали становиться всё более прозаичными и приближенными к реальности. В качестве примера позволю себе процитировать

первый пункт из неосуществлённой предвыборной программы Хантера Томпсона, который однажды надумал баллотироваться в шерифы, и, конечно, с удовольствием подпишусь под этими словами:

«Немедленно покрыть дерном улицы. Разбить асфальт на всех улицах города отбойными молотками и использовать куски асфальта (после расплавления) для создания огромной парковки и автостоянки на окраине города — желательно подальше от глаз, где-нибудь между новыми очистными сооружениями и новым торговым центром Макбрайда. Все отходы и мусор можно сосредотачивать в этой зоне — в память о миссис Уолтер Пейпк, которая продала эту землю для застройки. Автомобили, которым будет разрешен въезд, будут перемещаться только по сети «аллей доставки», как показано на детальном плане, разработанном архитектором-планировщиком Фрицем Бенедиктом в 1969 году. Население будет перемещаться пешком и на флотилии велосипедов под контролем полицейских сил города».

У меня есть друг, а у друга есть мечта — чтобы прекратить споры и пререкания вокруг эспланады, заставить её огромными бетонными кубами без окон и дверей. Да и вообще весь город заставить огромными бетонными кубами. Да, в бетонных кубах невозможно жить, в них невозможно войти и они вообще не особо функциональны, но разве это много хуже, чем очередной торговый центр, облицованный чёрным пластиком? Нет, не намного хуже.

Но говорить об этом — общее место. Вы все так же, как и я, ненавидите современную фригидную архитектуру, от облика современного города нас всех тошнит. Именно поэтому нужно научиться воспринимать его иначе, и тогда незначительные детали выйдут на передний план, обнаружится множество неизвестных тематических маршрутов для прогулок, а пространство заиграет новыми красками. Избегайте замшелых достопримечательностей из туристических путеводителей, экспериментируйте и забирайтесь туда, где вас не ждут. Не нужно ничего выдумывать, чтобы активная практика не превратилась во взгляд сквозь розовые очки. В городе полно реально существующих артефактов, которые погибнут без вашего внимания, пока вы ругаете очередной стеклянный колосс или разглядываете памятник пермскому медведю.

Всё, что я думаю по поводу взаимодействия с архитектурой и пространством, с тем же успехом можно перенести и в область чисто человеческого. С моей точки зрения, не существует событий, важных в большей или меньшей степени. Они существуют в контексте политики, экономики или новостных сводок, но в контексте субъективного восприятия мира все события важны одинаково, будь то теракт 11 сентября или падение листа с дерева. Настоящая история мира — это не выжимка для школьных учебников, а сухая тотальная фиксация всех происходящих событий. Как мне кажется, это сугубо гуманистический взгляд, потому что важным для истории здесь признаётся каждый человек, независимо от того, ньюсмейкер он или обыватель, сделал он что-то или нет. В своей серии интервью, которые я делаю для «Звезды», я принципиально обхожу стороной известных медийных личностей, часто появляющихся в городских новостях и активно обсуждаемых. Интереснее всего писать о людях, о которых в иных обстоятельствах больше никто не напишет, и не потому, что это будет иметь резонанс (а это, скорее всего, не будет иметь резонанса), а потому, что они этого заслуживают. Впрочем, требования формата всё равно вынуждают обращаться к людям, которые хоть чем-то да особенны.

Но, если доводить всё это до предела, я мечтаю о грандиозном проекте, который принципиально неосуществим, но очень нравится мне как чистая идея. Я хочу снарядить армию волонтеров, которые входили бы в квартиры к обычным людям, просто ко всем живущим на Земле людям, большинство из которых нисколько не важны для так называемой истории и

абсолютно ничем не примечательны, и делали бы с каждым из них большие, обстоятельные часовые интервью и портретные очерки. И только в тот момент, когда эта грандиозная работа была бы закончена, расшифрована и выпущена в виде миллионов томов, только тогда мы все наконец прочувствовали и поняли бы, что такое настоящая история.

Вообще говоря, осознание принципиальной невозможности этого когда-то стало для меня одним из сильных экзистенциальных переживаний, но выразил это должным образом не я, а поэт Владимир Навроцкий, которого я и хотел бы здесь процитировать:

«У меня есть привычка дурацкая:
именовать девочек, в которых я был или есть влюблен,
условными именами.

Например, у меня есть Крыса
(здравствуй КРЫСАУМРИ),
и Белка, и Киса (этот стих о тебе, пойдет?),
Рыба, Птица, и Птица Вторая,
и Младший Ежонок, и Старшая Ёжа.

Кстати, девочка, называемая Кисой,
знает и помнит (и частично придумала)
все эти именованья тоже,
Потому что мы с ней хоть расстались давно, а дружим,
и секретов нет между нами.

Вот я еду в такси (а оно тут дешевое,
из конца в конец сто пятьдесят,
а Ежонок мой маленький живет
в двадцати мотором минутах),
обязательно пристегнувшись
(не, люблю когда рядом ремни висят),
(А на самом-то деле, конечно, я жить просто дико люблю,
и долго буду).

и окошки горят: в этом Крыска жила, а вот в этом Рыба,
в этом Птица Вторая и Белка сразу, а в дальнем Зая,

в остальных же окнах обитают люди,
о которых я никогда ничего не узнаю.

так, теперь прописными: О КОТОРЫХ Я

НИКОГДА НИЧЕГО НЕ УЗНАЮ.

И разрядкой ещё наберу:

НИКОГДА НИЧЕГО НЕ УЗНАЮ»».

Дмитрий Жебелев, координатор затей «Дедморозим»

«Сами»

«Столько вокруг стало либералов, националистов, патриотов и прочих «-ов», что кажется — скоро совсем не останется людей. Оставайся ты просто человеком, елки-палки. Это ведь намного сложнее, чем стать кем бы то ни было ещё. По крайней мере, у меня самого пока не получается. Хотя способность видеть в другом, прежде всего, человека, это как раз тот мост, который нас всех объединяет.

Люди оправдывают твои ожидания.

И в этом смысле мне сказочно повезло, поскольку мне приходится ждать от них чудес. Каждый день, когда я захожу в магазин, гуляю по городу, сижу в кафе и делаю что угодно ещё, рядом со мной всегда может оказаться совершенно незнакомый человек, с которым я вместе спасал жизнь какому-нибудь ребёнку, исполнял всамделишные желания детей из приюта или совершал другие чудеса. Потому что я ожидал от них этого, и сотни тысяч людей оправдали мои ожидания. Среди них точно есть те, кому в другой ситуации я бы и руки не подал, ожидая подвоха. Но мне приходится ожидать чудес. И люди начинают совершать их сами.

Человек не бывает хорошим или плохим.

Каждое мгновение — это возможность сделать новый выбор. Когда мы делим людей на тех или других, лучше или хуже, мы сами этот выбор ограничиваем, сужаем, а иногда и лишаем их самого права этого выбора. Даже самый плохой человек способен на хороший поступок. И наоборот. Ещё чаще мы сами можем ошибаться в оценке того, что такое плохо и хорошо. Поэтому, вместо того, чтобы разделять людей, лучше верить в способность каждого из них сделать правильный выбор самому.

Ничего никому не возвращается — ни добро, ни зло.

Единственная стоящая причина натворить того или другого — это твоё собственное желание. Если ты надеешься, что жизнь вознаградит тебя за твоё добросовестное поведение, то наградой будет лишь разочарование. Самый злой, по твоему мнению, человек может оказаться счастливее тебя, а самый добрый — несчастнее. Поэтому все, что я делаю в своей жизни, — это только ради себя. Зато, в случае чего, виноват я сам. А значит и сам могу попытаться это исправить.

Жизнь конечна, и это бесценно.

«Не надейтесь, что после этой жизни что-то есть, — говорил мой университетский преподаватель Игорь Серафимович Утробин. — Такое чудо может быть только раз! В крайнем случае, если я там после смерти чего-то обнаружу — обещаю, что дам вам знать». Хотя Игоря Серафимовича уже несколько лет нет с нами, после его смерти я с ним так и не виделся.

И я верю, что он бы сдержал свое слово. Впрочем, помнить, что мы все умрем, я считаю полезным в любом случае. Это кардинально повышает ценность каждой минуты самой жизни.

Чудес не бывает, но я в них верю.

Однажды мне позвонила врач детского онкоцентра и попросила срочно отвезти ее пациентку Олесю в Киров. Там была единственная клиника, в которой её готовы были принять на «терапию отчаяния». Билетов в ж/д кассах не оказалось, прибыть нужно было завтра, поэтому поехали на машине. Всю дорогу я грустно молчал. А в коридоре больницы почему-то начал без остановки глупо шутить. Я необъяснимо хотел, чтобы девочка непременно улыбнулась. Она была в медицинской маске, и я никак не мог увидеть этого. Но слышал смех. Так получилось, что та невидимая улыбка оказалась одной из последних в жизни Олеси. И мне до сих пор кажется, что я не совершал ничего более важного в своей жизни, чем та глупая шутка. Она осталась для меня настоящим чудом, которое совершил я сам. А еще я видел десятки улыбок и слышал смех родителей, которых мы встречали в аэропорту, когда они возвращались после лечения вместе с выздоровевшими детьми. Это абсолютно чудесно и неопишимо. И это вместе со мной совершили тысячи людей.

Чудес не бывает. Но я в них верю. Я верю в себя, верю в вас и в каждого человека.

Потому что чудеса — это мы сами».
